

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ДИСКУССИЯ

НЕГАТИВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ «СЕКТАНТА» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ АНТИКУЛЬТИЗМЕ¹

Алексей Игоревич Зыгмонт

Известно, что антикультовое движение как таковое возникло в конце 70-х гг. в США в форме ассоциаций обеспокоенных родственников — прежде всего родителей, дети которых «пошли по кривой дорожке» и оказались в рядах нового религиозного движения (НРД). Соответственно, на первый план для них уже тогда вышла проблема личности: «что случилось с моим мальчиком/девочкой, почему её стало не узнать, да она ли это?» — с ней же имели дело классики антикультизма (Р. Дж. Лифтон, Т. Патрик, С. Хассен, М. Сингер и др.)². В своих работах они выдвинули ряд концептов, имеющих целью объяснить эту перемену: «промывка мозгов», «реформирование мышления», «двойная личность». Все эти идеи предполагали, что член культа — не вполне тот же человек, и с этим нужно что-то делать.

Однако в раннем антикультизме рубежа 70-х — 80-х гг. явно не доставало дистанции, и то же «депрограммирование», хотя бы и в качестве насильственной деконверсии, было вполне личным делом, которое осуществлялось по частному запросу

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

² Подробнее см., напр.: Beckford J. Cult Controversies: The Societal Response to the New Religious Movement. London: Tavistock, 1985; Anti-cult movements in Cross Cultural Perspective / A. Shupe, D. Bromley (eds.). N. Y.: Garland, 1994; Barker E. The Not-So-New Religious Movements: Changes in «the Cult Scene» over the Past Forty Years // Temenos. 2014. Vol. 50, No. 2. P. 235–256.

заинтересованных лиц. С течением времени, по мере своего распространения и охвата все новых областей — государственной политики, права и решений судов, риторики конвенциональных религий, — проблема личности «сектанта» стала более абстрактной, возник вопрос о ее *природе*.

В рамках данной статьи мы будем говорить прежде всего о России¹. Война с НРД здесь ведется на всех фронтах и обосновывается по-разному: «секты» доводят до самоубийств, разрушают семьи, подрывают основы общества, мечтают уничтожить все т.н. «традиционные религии» и т.д. Многообразие обвинений заставляет исследователей предположить, что враждебность к НРД имеет более глубокие корни, чем просто неприятие инакового и конкуренция. Социолог М. Ю. Смирнов утверждает, что логика антикультулизма основана на архетипическом пласте сознания, соответствующем негативной идентичности и делении всех и вся на «своих» и «чужих»². При всей справедливости этого замечания, оно несколько упрощает проблему, игнорируя комплексную динамику этого образа врага: вскрыв чёрный ящик «сектанта», мы обнаружим самое что ни на есть серьёзное антропологическое содержание, борьбу за человеческое против *не-* или даже *анти-* человеческого, — то, что Джорджо Агамбен называет «антропологической машиной» — пространством дискурса и практики, где «человеческое... является исключительно

¹ Об этом явлении в целом см.: Сафронов Р. Антикультуловое движение в современной России: между наукой и апологетикой // Неорелігії: теоретичні та практичні питання дослідження. Київ, 2018. С. 60-71; Иваненко С. И. Обыкновенный антикультулизм. СПб: Древо жизни, 2012; Кантеров И. Я. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде // Религия и право. 2003. № 1. С. 27-29.

² Смирнов М. Ю. «Антикультулизм» — понятие и практика // Новые вызовы свободе совести в Современной России. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, Центральный Дом журналиста, 26 июня 2012 г. М.: Древо жизни, 2012. С. 68.

местом постоянно возобновляемого решения»¹. Исследовав эти дискурс и практику в современном российском антикультулизме, можно убедиться, что «секты» рассматриваются в нем как сила, которая прежде всего уничтожает в человеке человеческое, превращая его в безвольную марионетку, зомби или, хуже того — чудовище. Поэтому одной из центральных операций антикультулизма является дегуманизация «сектанта» (под этим или под другим именем) в перспективе нормативного определения человеческого, которое может исходить из *common sense*, психологической науки или веры.

Следует отметить, что в дегуманизации «сектанта» как врага нет ничего особенного. О дегуманизации/демонизации врагов писало множество исследователей, в числе которых, например, Ф. Зимбардо², З. Бауман³, Дж. Аго⁴, М. Юргенсмейер⁵, Л. Гудков⁶ и Г. Козырев⁷. В этом плане он мало чем отличается от таких секулярных или религиозных образов врага, как «пиндос», «хач», «содомит» и т.п., хотя его отличает от первых двух и роднит с третьим его качество *заразности*, способность насильственно передавать свою природу другим; избранный нами антропологический подход является здесь поэтому лишь частным аспектом. С другой стороны, попытки фреймировать образ «сектанта»

¹ Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ. С. 49. См. об этом также: Тимофеева О. История животных. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 23–25.

² Zimbardo F. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil. N.-Y.: Random House, 2007.

³ Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca, N.-Y.: Cornell University Press, 1989.

⁴ Aho J. This Thing in Darkness. A Sociology of the Enemy. Seattle, 1994.

⁵ Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God. University of California Press, 2003. P. 148–189.

⁶ Гудков Л. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.

⁷ Козырев Г. Социология общественного мнения. Образ врага в истории, теории и общественном сознании. Форум, 2017.

с помощью иных концептов оказываются малоэффективны: рассматривая НРД с точки зрения теорий стигматизации, В. А. Мартинович в своей недавней статье приходит к выводу, что «специфические особенности самого феномена НРД... налагают серьезные ограничения на возможность применения теорий стигматизации»¹. Исходя из этого, неясно, зачем применять их вообще, если можно найти более эффективные инструменты анализа.

Основные цели настоящей статьи — во-первых, показать, что в антикультовом дискурсе имеется антропологическое содержание, универсальное и при этом вариативное, а во-вторых — продемонстрировать, что проблема здесь лежит куда глубже правовых или любых других условно-рациональных процедур дискуссии/ взаимодействия в публичном пространстве. Для этого мы последовательно обратимся к дискурсу «профессиональных» антикультистов, правовым документам и материалам судебных дел против НРД, публикациям в СМИ, официальной позиции Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП) и, наконец, представлениям православных националистов и церковной субкультуры. Наша основная гипотеза заключается в том, что вся совокупность антикультового дискурса — от условно-секулярного и правового до сугубо православного, — представляет собой не отдельные островки борьбы, а непрерывный континуум рассуждения, в центре которого находится проблема демаркации личностного, индивидуального и человеческого.

Проблема личности в «профессиональном» антикультизме и СМИ

Как уже было отмечено, проблема личности в раннем антикультизме 60-х — 80-х гг. ставилась исходя из необходимости объяснить «деструктивное» поведение людей, не объявляя их

¹ Мартинович В. А. Стигматизация новых религиозных движений // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 80.

при этом врагами и не демонизируя, сохраняя за ними надежду на искупление. Представляется, что кризис определения личности в перспективе отношения к насилию тогда имел более общий характер: например, Р. Дж. Лифтон в популярной у антикультистов книге «Реформирование мышления и психология тотализма» (1961)¹ рассматривает не только членов культов, но и жертв пыток, ветеранов войн, «выживших», нацистских врачей — т.е. случаи, когда в результате виктимного/активного участия в насилии человек, казалось, пересекал некую границу и необратимо менялся, чтобы выжить или продолжать своё дело. Среди ряда концептов, призванных описать эту перемену в связи с НРД, мы обратимся к идее «двойной личности». Так, Стивен Хассен в своей книге «Освобождаясь от оков» (2000) пишет, что вследствие контроля мышления у человека создаётся «культовая личность» — «... псевдоличность, которая подавляет подлинное “я” и поддается внешнему контролю... Индивидуальность отодвинута на второй план, а свободная воля разрушена»². После этого тело субъекта попеременно занимают разные личности (Джон-настоящий и Джон-культист), и для нас важно, что эта вторая личность является *нечеловеческой*: под её контролем человек превращается в «зомби» или «робота», который «говорит, как магнитофон»³. Так ситуация выглядит с позиции антикультиста: но мы знаем, что речь идёт не об объективном описании, а о конструировании реальности — иными словами, о дискурсивной операции, которая необходима для создания врага и которая как раз-таки и является дегуманизацией. Исходя из этого оформляется «двойная повязка» между культистом-врагом и культистом-жертвой: получает-

¹ Lifton R. J. Thought Reform and the Psychology of Totalism: A Study of «Brainwashing» in China. Norton, 1961.

² Hassan S. Releasing the Bonds: Empowering People to Think for Themselves. Freedom of Mind Pr, 2000.

³ Ibid.

ся, что одну часть этого существа нужно уничтожить, чтобы спасти другую, и что с культистами нужно бороться ради их же блага — что для врагов обычно нехарактерно.

Аналогичная двойная повязка наблюдается и в современном российском антикультизме. В качестве образа врага «сектант» здесь крайне амбивалентен, поскольку обнаруживает обширный зазор между личным единственным и безлично-коллективным множественным. Известный «сектоборец» А. Л. Дворкин, автор учебника «Сектоведение» (2003) характеризует врага, с одной стороны, как злонамеренного разносчика «заразы», который «...не работает, не приносит пользу обществу [...], стремится лишь к тому, чтобы приобрести как можно больше всего для своей секты»¹. С другой стороны, он — жертва, прошедшая извращённую насильственную конверсию и попавшая в шестерни тотальности насилия:

Человек, попавший в тоталитарную секту, постоянно подвергается насилию; от избиений и изнасилований до изматывающей, истощающей работы от 15 до 18 часов ежедневно, без необходимого питания и достаточного количества сна. Иными словами, члены сект превращаются в рабов, лишённых как финансовых, так и личных и общественных ресурсов, необходимых для выхода из группы...²

В отличие от Хассена, у Дворкина НРД не удваивают личность человека, а лишь «разделяют сознание и волю» субъекта, делая его послушной марионеткой. Это позволяет ему поставить вопрос об ответственности «сектанта» за эту свою

¹ Цит. по: Религиозный экстремизм Александра Дворкина. URL: [<http://religiousfreedomwatch-ru.org/religious-extremists/alexander-dvorkin/religious-extremism-of-alexander-dvorkin>].

² Дворкин А. Л. Десять вопросов навязчивому незнакомцу или пособие для тех, кто не хочет быть завербованным. URL: <http://azbyka.ru/religii/sektovedenie/3g45-all.shtml>.

конверсию: «...невольное “зомбирование” невозможно. Естественно, существуют различные психологические приёмы контролирования сознания, но они могут быть эффективными, только когда человек сам открывает себя для них»¹. Поэтому из его уст часто звучат обвинения в адрес не только самих сект или их злокозненных гуру, но и самих «сектантов»: он пишет, например, что Свидетели Иеговы «предрасположены к насилию и не контролируют себя» из-за обилия в их литературе жестоких сцен и всякого рода кровожадных образов. Собственно, этот акцент на ответственности «сектантов» в чем-то отличает российский антикультизм от американского и роднит, например, с французским в том смысле, что борьба с «сектами» здесь — уже не частная инициатива: она выходит на уровень государства и юридической теории и практики, позволяя принимать направленные против них законодательные акты и подавать на них в суд².

Осцилляция образа «сектанта» между агентом насилия и его жертвой свойственна и для российских СМИ, хотя они не связаны с «профессиональным» антикультизмом прямо, а скорее идут с ним рука об руку. Исследовав репрезентации НРД в материалах ряда популярных изданий (а именно — РИА «Новости», «Российской газеты», «Коммерсанта», «Комсомольской правды» и Lenta. ru) религиовед К. Н. Михайлов пришёл к выводу, что их характер гомогенен и мало зависит от специфики платформы³. Сами

¹ Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. С. 24.

² Характерно, что с 2009 г. Дворкин является вице-президентом французской неправительственной организации FECRIS (Fédération européenne des centres de recherche et d'information sur le sectarisme), которая объединяет антикультовые центры из 18 стран, но финансируется французским правительством.

³ Михайлов К. Конструирование образа Новых религиозных движений в федеральных печатных СМИ // Журналист. Социальные

НРД характеризуются эпитетами «секта», «просектантская структура», «нетрадиционное религиозное учение / группа» (в противоположность «традиционным»); они могут быть «тоталитарными», «развращающими детей», «анти-социальными», «псевдорелигиозными», «тайными», «сомнительными» и «террористическими». Их деятельность оценивается как «пропаганда» (например, «беспорядочных половых связей»), «многожёнство», «сексуальное насилие», «эксплуатация труда несовершеннолетних» и т.д. Некоторые выражения вызывают ассоциации с криминальными сообществами: в публикации «Комсомольской правды» само НРД может быть походя названо «бандой», а её лидер — «главарём». На фоне этого коллективного субъекта прорывается проблемный индивид: так, с одной стороны, члены НРД называются «адептами», или «охотниками за головами», а с другой — «жертвами секты». Их дискурсивная деиндивидуализация и дегуманизация представлены, например, в описании богослужения пятидесятников в той же «Комсомольской правде»:

Невменяемые люди мелко прыгают, быстренько помахивая ручонками, согнутыми, точно крылья дохлого курёнка. Смотреть на них страшно и противно, больше того: конвульсии длиною в час (именно столько длится плёнка) это шок¹.

Однако популярнейшим концептом СМИ в отношении «сект» остаётся все-таки «зомби»: следует обратить внимание, что это не гуру, а рядовой член «секты», который претерпел насильственную конверсию и превратился в живого мертвеца, врага и переносчика заразы. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на заголовки:

коммуникации. 2013. № 1. С. 58–70.

¹КП. Кто и зачем вербует паству из наркоманов. URL: <http://www.kp.ru/daily/24514/664032/>.

«Адепты разоблаченной в Москве зомби-секты: “Человек полностью подпадает под магию”»¹, «Зомби спели аллилуйю Порошенко и Кличко»², «Как из меня делали зомби»³, «Как в Украине создают секты и превращают людей в зомби»⁴. Примечательно, что образом, синонимичным зомби, становится животное — или, точнее, *стадо животных*: «Превращают народ в стадо, или Как США на Украине выращивают политических зомби»⁵, «“Стадо”, или собиратели душ»⁶ или ещё: «Секта адептов Мыздобульска зомбирует стадо покорных»⁷. Конечно, в этих заголовках очевидны и политические мотивы, но также и систематическое снятие человеческого статуса в пользу статуса живого мертвеца или животного, а также отказ в индивидуальном в пользу негативно-коллективного, «стадного». В полной мере потенциал этих мотивов раскрывается, правда, лишь в дискурсе церковной субкультуры, к которому мы обратимся чуть позже.

¹МК.ru. Адепты разоблаченной в Москве зомби-секты: «Человек полностью подпадает под магию». URL: <https://www.mk.ru/social/2017/12/19/adepty-razoblachennoy-v-moskve-zombisekty-chelovek-polnostyu-podpadaet-pod-magiyu.html>.

²Комсомольская правда. Зомби спели аллилуйю Порошенко и Кличко. URL: <https://www.kp.ru/daily/26262/3140693/>.

³Новая газета. Как из меня делали зомби. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/08/27/60882-kak-iz-menya-delali-zombi>.

⁴Новороссия. Как в Украине создают секты и превращают людей в зомби. URL: <https://novorossia.su/news/prevrashchayut-narod-v-stado-ili-kak-ssha-na-ukraine-vyrashchivayut-politicheskikh-zombi>

⁵Харьков. Новостное агентство. Превращают народ в стадо, или Как США на Украине выращивают политических зомби. URL: <https://nahnews.org/995246-prevrashchayut-narod-v-stado-ili-kak-ssha-na-ukraine-vyrashchivayut-politicheskikh-zombi>.

⁶Улпресса. «Стадо», или собиратели душ. URL: <https://ulpressa.ru/2008/05/06/article52093/>

⁷YouTube. Секта адептов Мыздобульска зомбирует стадо покорных. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZcRT7Yc9RNk>.

Антикультовые аспекты в праве и судебной практике

Обычно принято полагать, что «за воротами закона» — в законодательстве, правовых актах, решениях судов и т.д., — царят порядок и чёткие формы, тогда как в действительности в них проявляется все та же борьба за человеческое. Фиксируется она прежде всего в отдельных *аномалиях* юридического языка, которые никто не объясняет и оставляет без внимания; на их примере становится ясно, что в случае с «деструктивными религиозными организациями» речь идёт не о чём-то рациональном и верифицируемом, а о воображаемом образе врага, праве определять человеческую природу и наказывать тех, кто стремится её исказить.

Именно в связи с уже поставленным вопросом о проблематизации «личности» в антикультизме мы хотели бы обратиться к одному феномену в правовой сфере — выражению «посягательство на личность». Оно присутствовало ещё в статье 227 УК РСФСР 1960 г. в примечательном контексте «посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов» и предназначалась, как простодушно говорится в учебниках по юриспруденции, для борьбы с «наиболее опасными» сектами¹. В этом качестве в 1997 г. оно перекочевало в п. 2 ст. 14 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ, причём сама эта статья посвящена основаниям для приостановления деятельности и ликвидации религиозного объединения. С тех пор эта формула фигурировала исключительно в обвинениях против НРД.

Примеры использования данного концепта на практике в современной России можно приводить бесконечно, поэтому ограничимся лишь несколькими. Так, в иске Управления юстиции Кировской обл. о ликвидации религиозной

¹Ткаченко В. И. Преступления против здоровья населения. М.: РИО ВЮЗИ, 1983; Мамедзаде А. А. Свобода совести. Истоки, становление, правовая охрана. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013.

организации Церкви «Кировский христианский центр» говорится о «гипнотическом воздействии, посягательстве на личность», а также «принуждении к разрушению семьи» (2000 г.); в решении Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ № 4(138) от 12 февраля 1998 г., в таких «посягательствах» обвинялись Свидетели Иеговы, а в материалах суда, связанных с делом «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации», которое рассматривалось в ЕСПЧ 10 июня 2010 г., в них трижды обвинялась указанная община. Характерно, что истцом в последнем деле выступил «Комитет по спасению молодёжи от тоталитарных сект», указанный как «организация, ориентированная на Русскую православную церковь»¹.

Что в этой формулировке — «посягательство на личность», — примечательного? Она встречается лишь в одном законе и употребляется в делах одного рода, — это важно, но этого недостаточно: раскрыть её антропологический смысл можно, сравнив с другой — «преступления против личности», заявленной в разделе VII УК РФ. В этом последнем случае под личностью очевидно имеется в виду просто *person*: её можно убить, как-либо нарушить её права и свободы, оскорбить её достоинство. Соответственно, возможны посягательства *против* личности, но не *на* личность, и замена предлога в данном случае отражает антропологический смысл антикультовых дел: речь идёт о человеке как носителе субъективности, — не о *person*, а о *personality*. Именно на неё покусились сектанты — и частое соседство этого обвинения с обвинениями в *гипнозе* это подтверждает: речь идет о том же «удвоении личности» у Лифтона и Хассена или «разделении сознания и воли» у Дворкина, т.е. об антропологической, если не строго метафизической операции.

¹ Религиозные объединения, свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты, судебная практика, заключения экспертов. М.: Славянский правовой центр, 2012. С. 1088–1127.

В УК РФ имеется также «редкая» ст. 239, «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан». По словам А. М. Верховского, «эта... статья была придумана для нетрадиционных религиозных и парарелигиозных объединений, для гуру, которые сексуально эксплуатируют своих адептов»¹, — в частности, по ней проходили участники таких организаций, как «Орда», «Воля», «Алля аят», «Дивья Лока», а также Андрей Попов («бог Кузя») а в 2016 г. — Аум Синрикё². Однако само понятие «посягательства на личность» никак не разъясняется ни в самой статье, ни в комментариях: в тексте говорится только о «насилии над гражданами» или «причинении вреда их здоровью»: это насилие может быть физическим или психологическим, но прочее остаётся неясным. Некоторый свет на происходящее проливают всякого рода сторонние материалы, авторы которых меньше заботились о юридических формулах. В том же 2016 г. заместитель председателя комитета Совфеда по конституционному законодательству и госстроительству Е. Б. Мизулина заявляла: «Используя различные психотехники, сектанты лишают людей воли, а после — и имущества»³. В её словах примечательна сама форма высказывания: «лишение воли» здесь — не просто ступор: в сравнении с имуществом воля *овеществляется*, её можно отнять, забрать навсегда. Или другой пример: в анонимной статье на сайте «Духовное сопротивление» (антисекта. рф) говорится о трёх видах насилия над гражданами, в том числе «зомбировании при использовании психотехнологий или психотропных

¹ Медиазона. 239. Статья для гуру и агентов. URL: <https://zona.media/article/2015/03/02/codex-239>.

² Полный список прецедентов нетрудно получить на сайте информационно-аналитического центра «Сова» с помощью поискового запроса «ст. 239». URL: <https://www.sova-center.ru/search/?q=%D1%81%D1%82.+239#>.

³ Известия. Сектантов подведут под статью URL: <https://iz.ru/news/645810>.

препаратов»¹. От изменения *качеств* человека секты переходят к изменению его *сущности* — и притом с «прямым умыслом» и использованием специализированных техник и инструментов.

В российской государственно-правовой и идеологической сфере образ «сектанта» по принципу неразличимости также смыкается со «шпионом» или «врагом из-за рубежа». Так, еще в 1996 г. в обращении Госдумы к президенту РФ «об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» указано, что «деструктивные религиозные организации» желают «полностью завладеть человеком» и «широко известны... различными антиобщественными и антигосударственными действиями вплоть до проникновения в государственные органы, заговоров против государства»². Кончается текст так: «Государственная дума предлагает считать религиозную безопасность российского общества важным приоритетом национальной безопасности наряду с военной, политической, экономической, экологической и социальной»³. Поэтому в новую редакцию статьи 239 УК РФ от 20 июля 2017 г. к религиозным организациям были добавлены самостоятельные НКО либо подразделения иностранных, «деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу

¹ Духовное сопротивление. Объективные признаки религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. URL: http://xn-80aaollp3age.xn--p1ai/articles/ob_ektivnye_priznaki_religioznogo_ob_edineniya_posyagayuwego_na_lichnost_i_prava_grazhdan/.

² Постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации об обращении Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102044720>.

³ Там же.

от исполнения гражданских обязанностей»¹. Окончательно этот проблемный синтез «сектанта» со «шпионом» был закреплён в «антиэкстремистских» поправках Яровой-Озерова к закону «О свободе совести» 2016 г.² В церковной среде «сектант», в свою очередь, сближается с «содомитом» или «бесноватым», что лишним раз подчёркивает воображаемую природу этого образа.

Антропология «сектанта» в церковном дискурсе

Исследователи не раз обращали внимание, что в современных российских реалиях граница между церковным и правовым дискурсом является проницаемой, так что отдельные концепты нередко переходят из одного поля в другое (чаще — из церковного в правовое): это касается, например, понятий «духовная безопасность» или «пропаганда гомосексуализма», впервые сформулированных именно в идейном поле РПЦ³. Подобная же симпатия к церковным формулировкам характерна и для юридически-ориентированного антикультулизма, так что нет ничего удивительного в том, что в статьях на эту тему легко можно встретить цитаты из «Курса церковного

¹ См. текст правки, URL: <http://base.garant.ru/10108000/eed8e49bc1b8baf6224d874d241da6ee/#friends>.

² Подробнее см.: Информационно-аналитический центр «Сова». Михаил Жеребятёв — о поправках, ограничивающих миссионерскую деятельность. URL: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/06/d34837/>; Московский центр Карнеги. Поправки Яровой: для чего разрушают уголовное право. URL: <https://carnegie.ru/commentary/63979>.

³ Подробнее см.: Михайлов К. Церковь и ЛГБТК: непреодолимый вызов современности // Гомосексуальность и христианство в XXI в. СПб., 2014. С. 142–158; Зыгмонт А. И. Проблематика насилия в Русской православной церкви в постсоветский период // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 129. На эту же тему иногда вполне откровенно высказываются и ангажированные авторы, напр.: Парфенова Н. Б. Теологическое обоснование понятия «духовная безопасность» // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. № 3. С. 193–199.

права» А. Павлова (2001) или Иоанна Златоуста, выступавшего за «христианскую любовь к еретикам» и «против телесных наказаний»¹.

Однако такая ситуация сложилась не сразу: антикультурная повестка начала проникать в дискурс патриарха Алексия II и священноначалия РПЦ лишь в 90-е гг. из внешних источников. Так, в 1994 г. Архиерейский собор РПЦ принял определение «О псевдохристианских сектах, язычестве и оккультизме». В нем было сказано, что НРД «объявляют войну Церкви Христовой» – хотя и со специальной ремаркой, что «... противостояние ложным взглядам не должно сопровождаться нетерпимым отношением к самим носителям несовместимых с христианством учений»². В конце же 1990-х – начале 2000-х «борьба с сектами» становится для церковных кругов более или менее общим местом.

На поверхности церковной антикультурной риторики находятся соображения относительно рациональные: «секты» играют на человеческих страстях, отражают стремление к власти или психические патологии их создателей, контролируют людей социально и финансово и т.д. Подобные аргументы часто можно встретить на таких отличных друг от друга и при этом популярных порталах, как «Православие.ру» и «Православие и мир». С другой стороны, уже на этом уровне различие между теми или иными учениями проводится не всегда: «секты» нередко подаются как нечто цельное и при этом враждебное всему нормативному. В 2015 г. в передаче на телеканале «Россия-24» митр. Иларион (Алфеев), например, заявлял, что они «играют

¹ Розенко С. В. Криминальное сектантство: проблемы криминализации и наказуемости // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2011. № 4. С. 183.

² Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. Определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/530422.html>.

деструктивную роль... разрушая семьи, разрушая психику людей и создавая реальную угрозу для их жизни»¹. Вместе с тем «Церковь даёт людям духовный мир, сохраняя их духовную свободу, а секты поработщают человека, предлагая в красивой обёртке яд»². «Сектантство» предстаёт как некоторое тотальное явление, враждебный принцип, несущий опасность людям и обществу. Характерно, что патриарх Кирилл со времени своей интронизации (2009 г.) отошёл от антропологической повестки в пользу националистической и заявлял, что в «сектантстве» всегда присутствует «пафос разрушения и борьбы... сознательный отказ от собственной истории и культуры»³.

Однако же этот примечательный пробел в дискурсе Московской патриархии с лихвой компенсируется воображением православных националистов и «прихрамовой среды» — церковной субкультуры, особенно важную роль в которой играют эсхатологические мотивы⁴. Здесь «сектант» как образ врага перестаёт быть амбивалентным и вливается в строй антихристовых сил, которые стремятся уничтожить православие и Святую Русь. Так, в «Катехизисе православного воина» авторства архим. Никандра (Иванова) даётся следующее определение ситуации:

¹ Православие. ру. Секты являются полной противоположностью учению Церкви. URL: <http://www.pravoslavie.ru/79088.html>.

² Там же.

³ Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. Святейший Патриарх Кирилл: «В сектантстве всегда есть пафос отрицания своей истории и культуры». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/726813.html>.

⁴ См.: Тарабукина А. В. Мировоззрение «церковных людей» в массовой церковной литературе XIX–XX веков // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 191–230; Ахметова М. В. Конец света в одной отдельно взятой стране. М.: РГГУ, 2011; Зыгмонт А. И. Современная прихрамовая среда как сообщество в ситуации жертвенного кризиса // Религиоведческие исследования. 2016. № 1. С. 151–189.

При попустительстве некоторых так называемых демократических институтов в постсоветское время в России также активизировались всякого рода секты и движения антиправославных толков с явным душком сатанизма и государственного вредительства, которые плодят и возвращают эмиссары иностранных разведок и мировых оккультных сил... подрывая тем самым духовную, а с ней государственную и военную мощь нашей страны [...] Сектантство и иноверие — это «вера» слушников Христа, а стало быть, и Его Церкви — Церкви Православной и православных. Поэтому они, сектанты, подрывники единства нации и целостности Православного Отечества¹.

Если в «профессиональном», правовом и официальном церковном дискурсах «сектантство» ещё не имело космического характера и не затрагивало самих основ бытия мира и человека, то в субкультурном дискурсе это происходит. В апокалиптическом духе оно представляется как некая сила, которая переворачивает бинарные оппозиции, совершает бытийную подмену. По словам церковной публицистки О.Н. Четвериковой, «...речь идет о том, что всё живое, всё, что дышит и всё, что растёт, должно быть заменено. Это программа утверждения мертвечины [...] Раньше уничтожали грань между животным и человеком, а сейчас уже уничтожают грань между живым и мёртвым»². Находящаяся в основании «сектантства» деструкция здесь, таким образом, касается не только (или даже не столько) общества, сколько

¹ Москва-Третий Рим. Я — русский солдат! Катехизис православного воина. Архимандрит Никандр (Иванов) URL: <http://3rim.info/11605-ya-russkij-soldat-katexizis-pravoslavnogo-voina.html>.

² Москва-Третий Рим. Кремлевский оккультизм... Гуру у Грефа служит проповедник расчеловечивания, разрушения и мертвечины. URL: <http://3rim.info/11556-okkultizm-guru-u-grefa-sluzhit-propovednik-raschelovechivaniya-razrusheniya-i-mertvechinny.html>.

самого человека, превращая его, условно говоря, в «дышащую падаль» — обезличенное существо, в котором стёрты границы между человеческим, животным и мёртвым. С точки зрения самосознания антропологической машины следует обратить внимание также на заглавие публикации: «...Гуру у Грефа служит проповедник расчеловечивания, разрушения и мертвечины»: автор публикации выступает против дегуманизации, но очевидно, что именно эта операция и является для нее центральной.

Поэтому совершенно неслучайно, что на этом уровне рефлексии начинают сливаться воедино образы «сектанта» и «содомита» — т.е. представителя ЛГБТ, — применительно к которому антропологическая машина работает давно и чётко. Так, православные психологи И. Я. Медведева и Т. Л. Шишова в одной из своих публикаций заявляют, что «ересь и гомосексуализм неразрывны», объединяя их на основе общего критерия нарушения границы между мужским и женским и искажения богоданной человеческой природы: «Таким образом, содомский бунт против Творца приобрёл изначально религиозное обоснование, выступив против библейского “И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их”»¹. Совершенно то же сближение проводит и Ольга Четверикова. В статье с говорящим названием «“Новый мир” извращенцев как вселенская содомская антицерковь» она пишет: «Содомизм представляет собой не просто ритуальный акт, но религию, которая брала на себя ответственность за кощунственное искажение образа Бога, выдавая за Него дьявола»². «Сектант» (или «содомит», это неважно) воплоща-

¹ Медведева И., Шишова Т. Традиционная фашистская организация... Ересь и гомосексуализм неразрывны. Сodomский бунт против Творца — это религия. URL: <http://3rim.info/11618-tradicionnaya-fashistskaya-orientaciya.html>.

² Четверикова О. «Новый мир» извращенцев как вселенская содомская

ет не только размывание границ между человеком и животным, живым и мёртвым, но и фундаментальную подмену божественного в человеке — дьявольским. Остаётся последний шаг — уравнивать деятельность сектантов со вселенской энтропией, принципом отрицания как таковым, в котором уже нет ни индивидуального, ни человеческого:

Поэтому суть сектантского прозелитизма заключается в привлечении не к какому-то своему содержанию, а к своему принципу — принципу антитрадиционализма, отщепенчества, отрицания, нигилизма. Т. е. сектантский прозелитизм имеет в основе стремление оторвать от одного содержания не для того, чтобы привести к другому, а для того, чтобы оставить в состоянии отрицания, распада — «управляемого хаоса»¹.

* * *

В рамках статьи мы не ставили себе целью досконально рассмотреть теорию и практику современного российского антикультулизма; мы хотели лишь показать, что проблемы восприятия НРД и борьбы с ними залегают глубже социально-политического конфликта, затрагивая вопросы личности, свободы воли, человеческого/нечеловеческого и т.д. Мы показали, что эти вопросы с равной частотой, хотя и по-разному, фигурируют в дискурсе «профессиональных» антикультулистов, СМИ, в юридической сфере и в церковной среде. Взятые нами примеры более или менее произвольны, но оттого не менее репрезентативны; все эти сегменты антикультулового поля не только не противоречат друг другу, более того — одни из них помогают нам лучше понять другие, а крайние позиции проясняют весь спектр. Мы выяснили, антицерковь. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/05/30/novyj_mir_izvrawencev_kak_sodomsкая_anticerkov/.

¹ Москва-Третий Рим. ЗРИ В КОПЕНЬ... Об иудейской сути и угрозах толерантности для Церкви. URL: <http://3rim.info/10944-zri-v-koren-ob-iudeyskoy-suti-i-ugrozah-tolerantnosti-dlya-cerkvi.html>

что дискурс антикультулизма претендует на защиту личности от посягательств, а в крайних случаях — защиту границ между человеческим и животным, живым и мёртвым; однако в результате он работает на исключение, дегуманизируя «сектантов» и отказывая им в индивидуальном, в человеческом и даже в живом.

В практическом плане это понимание, однако же, не открывает горизонты, а закрывает их: любые дискуссии и попытки достичь консенсуса относительно НРД в публичной сфере фактически обречены на крах и часто приводят только к росту враждебности. Поскольку «сектант» — лишь один, и не самый значительный, пример негативно-антропологического дискурса в российском обществе (то же самое, вероятно, можно сказать о «шпионах» и «содомитах»), то происходящие с ними процессы, в том числе «сплавление» одних образов врага с другими, носят абсолютно иррациональный характер и рациональным процедурам не подлежат.

Что же касается теории и перспектив исследования, то здесь остаётся множество продуктивных возможностей и невыясненных вопросов. Прежде всего, хотя у нас шла речь о дегуманизации «сектантов» со стороны антикультулистов, нет ни малейших сомнений в том, что сами члены многих НРД с не меньшим удовольствием дегуманизируют своих врагов; от внешнего описания конфликта и его формальных критериев исследование следует сместить в сторону внутреннего, воображаемого, своего рода «феноменологии» мира, себя и врагов. Одной из самых интересных тем остаются переходы тех или иных идей и концептов из одного сегмента дискурса в другой, особенно — из религиозного языка в секулярный, а также смыслы сближения между собой различных образов врага.